

самым был создан режим, благоприятный для сословия городских куриалов, а также “среднего класса” больших деревень, которые и были ответственны за налоговые взносы в казну. Положение меняется с 530–560 гг., когда ставка земельного налога сильно возрастает и приближается к прежнему налогообложению с “царских” земель. Именно в усилении налогового бремени, наряду с периодически повторяющимися вспышками чумы, К. Цукерман видит признаки того кризиса второй половины VI в., который чуть не погубил империю. Он констатирует, что такой рост земельной налоговой ставки самым плачевным образом сказался на положении “среднего класса” городов и деревень, который с тех пор утрачивает свою роль в государственных делах. С VI в., по его мнению, зримо ощущается изменение в самой фискальной системе, и связано оно прежде всего с постепенным исчезновением городской системы налогообложения. Отныне сельская община и подчиненная ей территория начинают вступать в прямые отношения с государственным аппаратом без посредничества города. Эта модель, по которой существовало Афродито времени составления фискального регистра, впоследствии становится классической. “Сельская община Византии, – по мнению К. Цукермана, – по сути своей является ни чем иным, как деревней с правами автопрагии, что из исключения становится правилом в сильно уменьшившейся в размерах империи, а Афродито – предвестник этого процесса” (с. 240).

Остается лишь добавить, что монография снабжена подробным индексом греческих слов, встречающихся в регистре, фотографиями папирусных листов с его текстом в приложении, но, к сожалению, в ней отсутствует сводный французский индекс для основной части монографии, который был бы совсем не лишним при внимательном изучении этого замечательного исследования.

А.А. Войтенко

R i e b e A. Rom in Gemeinschaft mit Konstantinopel. Patriarch Johannes XI. Bekkos als Verteidiger der Kirchenunion von Lyon (1274). Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2005. 352 S.

Книга А. Рибе “Рим в общении с Константинополем. Патриарх Иоанн XI Век как защитник лионской церковной унии (1274)” представляет собой слегка переработанную докторскую диссертацию, защищенную на факультете евангелического богословия Тюбингенского университета зимой 2003–2004 гг. Как отмечает исследовательница во вступлении к своей работе (“Провалившаяся уния и ее защитник”), великий хартофилак и впоследствии константинопольский патриарх Иоанн XI Век (1275–1282) крайне редко оказывался самостоятельным предметом изучения. Из представленных А. Рибе цитат явствует, что провозглашенное на лионском соборе 1274 г. и отставившееся Векком объединение церквей рассматривалось в научных работах последнего столетия как изначально безнадежное предприятие (S. 33, ср. S. 99). Имеющиеся же в них оценки деятельности патриарха автор книги связывает с вероисповедной принадлежностью ученых, считая беспристрастными разве лишь мнения протестанта Й. Дрезеке и британской исследовательницы Дж. Хасси (S. 24–39).

Предшествующие лионской унии переговоры об объединении Церквей с самого начала XIII в. А. Рибе почему-то описывает после рассказа о соборе 1274 г. (S. 45–59). В отдельных главах исследовательница рассматривает внешнеполитическое положение Византии и ее внутривосточное развитие при императоре Михаиле VIII Палеологе до и после собора (S. 60–100). При этом автор сомневается во мнении о двойной игре василевса по отношению к папству, с одной стороны, и византийскому духовенству – с другой. Как отмечает исследовательница, скорее как раз знание о поставленных Римом требованиях питало сопротивление греческих священнослужителей, в то время как сам Михаил VIII делал все возможное для сохранения принятых в его стране богослужебных обычаев (S. 84–85). Лионскую унию А. Рибе считает “смелым” и “умным” предприятием василевса, пошедшего на “обманный маневр” в отношении папства (S. 87, 100). Замечание, согласно которому император Иоанн III Ватац был готов в 1253 г. предоставить римскому предстоятелю “квалифицированный примат чести”, плохо соответствует действительному объему сделанных тогда и намного более далеко идущих предложений (ср. S. 87 и S. 53. Апп. 28).

Представив в биографическом эскизе имеющиеся данные о жизненном пути Иоанна Векка, автор книги распределяет его сочинения по трем временным отрезкам (патриаршест-

во, первая и вторая ссылки, S. 102–129). Исследовательница приводит список всех святоотеческих сочинений, использованных патриархом в его полемике. Среди них наибольшим вниманием Векка пользовались произведения Афанасия Александрийского, Григория Назианзиня и Кирилла Александрийского (S. 138–141).

Как отмечает А. Рибе, вторжение “латинян” в византийские земли и распространение мусульманского владычества патриарх Иоанн считал следствиями церковного разделения, и именно этими явлениями он объяснял свою заботу о восстановлении единства. Однако, если Векк и рассчитывал посредством объединения с римской церковью решить политические задачи, стоявшие перед Византийской империей, он явно не собирался идти на любые уступки западным иерархам. Так, патриарх решительно отказывался от добавления *Filioque* к символу веры (S. 142–145). Как отмечает автор, Векк нигде не выражал желания “слить” воедино греческую и латинскую церкви, о которых он говорил лишь во множественном числе. Усматривая в подобном словоупотреблении “явное несогласие” с представлениями пап, исследовательница не подкрепляет это свое утверждение необходимыми ссылками на источники (S. 145).

Приведя использованные Векком в его полемике обращения к историческим событиям, автор книги выделяет в сочинениях патриарха четырнадцать богословских доводов в защиту учения об исхождении Св. Духа от Отца и Сына. При этом патриарх Иоанн, помимо прочего, цитировал соответствующие высказывания греческих свв. отцов, ссылался на равнозначные предлогов *ἐκ* (из) и *διὰ* (через), как и глаголов *ἐκπορεύεσθαι* (исходить), *προέρχεσθαι* и *προἴεναι* (происходить), указывал на наличие определенного порядка в Св. Троице и на неизбежную в ней передачу бытия от одного лица другому (S. 161–195).

Из приведенных в книге высказываний константинопольского предстоятеля явствует, что в 1277 г. в некоторых своих письмах в Рим он признал в папе “главу всех церквей” и обладателя “полной власти” над всей церковью (S. 200–208). Последнее положение А. Рибе считает написанным под давлением римских легатов, а потому будто бы не отражающим истинных взглядов Векка (S. 207). Остается неясным, какого рода давление послы папы могли оказать на патриарха, чью смелость перед лицом императора отмечал отнюдь не расположенный к унии Георгий Пахимер¹.

Исследовательница выделяет трех византийских авторов, творчество которых так или иначе оказалось связано с богословской деятельностью Векка. Прежде всего речь идет о писавшем в середине XIII в. Никифоре Влеммиде. Как показывает автор книги, Векк не только использовал в своих сочинениях большую часть приводившихся Влеммидом святоотеческих цитат, но и последовательно развил положения, выдвинутые его предшественником в вопросе о *Filioque* (S. 221–235). Более близким патриарху Иоанну по взглядам был живший в XII в. Никита Маронеец. А. Рибе показывает, что из его “Диалогов” Векк почерпнул некоторые святоотеческие цитаты и доводы, однако в последнем случае исследовательница не уточняет, идет ли речь о дословных заимствованиях позднейшего автора у более раннего или лишь о содержательной близости их рассуждений (ср. S. 240–244). Ошибкой является замечание, согласно которому в шестом “Диалоге” Никиты содержатся только три святоотеческих высказывания (S. 238), – на самом деле их там более десяти². А. Рибе утверждает, что у двух названных византийских богословов не было “решающего различия” по отношению к *Filioque* (S. 248). Между тем Никита Маронеец, несмотря на свою благоприятную для западной церкви точку зрения, все же настаивал на удалении этого слова из латинского символа веры³. Из одного замечания Пахимера явствует, что патриарх Иоанн тоже считал добавление к Символу неправомерным⁴, однако в работе не приведены какие-либо подобные утверждения Векка. Сравнение его идей и доводов с мыслями последующего константинопольского предстоятеля Григория Кипрского (1283–1289) приводит автора книги к выводу о том, что патриарх Иоанн был “более ясным и более последовательным” богословом, чем его второй преемник (S. 248–269).

А. Рибе отмечает также близость между рассуждениями Векка и его соратника Константина Мелитениота (S. 272–273). Предположение исследовательницы, согласно которому пат-

¹ *Georgios Pachymeres*. De Michaelē. 5, 24–25 (Georges Pachymères. Relations historiques / Ed. A. Failler, V. Laurent. T. 2. P., 1984. P. 517–521).

² См. шестой “Диалог”: *Giorgetti C.* Niceta Maronensis eiusque 5 et 6 dialogus de processione Spiritus Sancti etiam ex Filio. Romae, 1965. P. 342–392.

³ *Ibid.* P. 383–392.

⁴ *Georg. Pachym.* De Michaelē. 6, 25 (Georges Pachymères. P. 625).

риарх Иоанн в своей полемической деятельности намеренно избегал обращения к латинским авторам, чтобы не вызвать раздражения у своих читателей (S. 277), представляется шатким, так как высказываниям западных отцов церкви придавали значение и византийские противники Filioque⁵. Называя “доказанным” мнение А. Алексакиса о том, что при создании рукописи Par. gr. 1115 было использовано восходящее будто бы к середине VII в. собрание святоотеческих греческих цитат в защиту исхождения Св. Духа от обоих Отца и Сына (S. 279, 285), исследовательница упускает из виду критику этой точки зрения К.-Х. Утеманном⁶. Автор книги не обнаруживает каких-либо ясных признаков того, что Векк использовал в защиту Filioque доводы Августина, Николая Котронского и создателя сочинения “Против греков” 1252 г. (S. 281–285, 289–295). Вопрос об использовании патриархом Иоанном упомянутого собрания святоотеческих высказываний исследовательница оставляет открытым (S. 285–289), а вот знакомство Векка с полемическим сочинением Гуго Этериана (благодаря приведенным А. Рибе сравнениям их доводов) оказывается вероятным (S. 295–307).

Утверждение А. Рибе, согласно которому патриарх Иоанн вообще не высказывался по поводу руководящей структуры церкви и роли римского епископа (S. 314), не соответствует ранее приведенным в книге положениям из переписки Векка с папами (S. 200–208). Поэтому представляется безосновательным и мнение исследовательницы о том, что константинопольский предстоятель не признавал “самосознание пап и их претензию на руководство всемирной церковью”. Заявляя, что патриарх Иоанн защищал вовсе не церковную унию (Kirchenunion), но принятие ветхого Рима новым в ехаристическое общение (S. 316), А. Рибе противоречит как собственному словоупотреблению на протяжении всей своей книги (ср., например, S. 142–144), так и приведенному ею высказыванию самого Векка, писавшего папе Иоанну XXI о достижении окончательного “церковного единства” (S. 203. Anm. 24: τῆς... ἐκκλησιαστικῆς ἐνώσεως ἑναρξίς εἰς τέλος... ἀποκατέστη).

А. Рибе сосредоточивает свое внимание в первую очередь на богословском наследии Векка и не подвергает сомнению сложившееся мнение о неизбежном провале лионской унии в Византии. Таким образом, остается незатронутым и вопрос о том, насколько неотвратимой была неудача патриарха Иоанна, прошедшего последние четырнадцать лет жизни в заключении. Между тем в 1275 г. византийские архиереи назвали Векка сразу как первого, второго и третьего кандидата на патриарший престол, уже зная о согласии того с латинским учением⁷. Хотя члены синода и следовали воле Михаила VIII, они могли хотя бы на втором и третьем местах указать имена лиц, враждебных лионской унии, чего они не сделали. Не означает ли терпимое отношение греческих архиереев к явному стороннику объединения с римской церковью, что последнее имело все же какой-то шанс на успех в Византии конца XIII в.?

В любом случае важной ошибкой патриарха Иоанна стал его союз с Михаилом VIII Палеологом. Утврдивший во власти через расправу над юным Иоанном IV Ласкарем император откровенно рассматривал объединение церквей как всего лишь средство для отвращения внешнеполитической угрозы⁸. Сотрудничая с Михаилом VIII при осуществлении лионской унии, Векк явно не обращал внимания на то, насколько сомнительным в глазах многих греков выглядело это предприятие из-за деятельно поддерживавшего его императора. Уже вступая на патриарший престол по желанию Михаила VIII, Векк ставил себя в двусмысленное и потому опасное положение. Если он длительное время мужественно заступался перед василевсом за просителей из народа, то к концу царствования Михаила VIII, согласно Пахимеру, патриарх подчинился светскому властителю. В итоге, по словам историка, Векк нажил себе врагов как в лице противников унии, так и среди приближенных императора, которым не нравились его симпатии к “латинянам”⁹.

Другая ошибка патриарха Иоанна могла заключаться в избранной им линии защиты церковного единства. Как известно, она сводилась к оправданию латинского учения об исхождении Св. Духа от Отца и Сына. Со слов Георгия Пахимера складывается впечатление, что этот

⁵ Так, на слова Григория Великого ссылался в IX в. Фотий (PG 102. Col. 368–369), а в XII в. Андроник Каматир цитировал в “Священном оружейохранилище” того же Григория, Августина и Иеронима (Mon. gr. 229, f. 79v.–80).

⁶ Uthemann K.-H. Ein griechisches Florileg zur Verteidigung des Filioque aus dem 7. Jahrhundert? // BZ. 1999. Bd. 92. H. 2. S. 502–511.

⁷ Georg. Pachym. De Michaele. 5, 18,2 4 (Georges Pachymères. P. 495, 515. Cp. S. 88. Anm. 66).

⁸ Georg. Pachym. De Michaele. 5, 16, 18, 20 (Georges Pachymères. P. 491, 495–497, 505).

⁹ Ibid. 5, 24–25; 6, 25 (Georges Pachymères. P. 517–523, 625).

вопрос Михаил VIII считал более важным препятствием к объединению, чем признание первенства папы, его апелляционного суда и поминовение папы за литургией¹⁰. Но был ли василевс в данном случае искренним, и не старался ли он представить малозначительной уступкой то, что само по себе вызывало противодействие многих византийцев? В таком случае патриарх Иоанн, сосредоточившись в своей полемике исключительно на богословском, а не иерархическом, вопросе, избрал не вполне верную тактику.

Слабость полемической деятельности Векка не раз отмечал Пахимер. Согласно историку, еще до избрания великого хартофилака на патриарший престол его рассуждения, уснащенные святоотеческими цитатами, не имели действия на архиереев¹¹. Чтобы не показаться покушающимся на догматы, патриарх Иоанн обещал было великому эконому Ксифилину ничего не писать в опровержение хулителей Filioque, однако позже нарушил данное слово¹². При этом он не стал останавливаться на немногих ясных положениях, но приводил вместе с ними и противоречивые рассуждения – ведь ему, по словам Пахимера, жизнь была не в жизнь, если он не доказывал с помощью Писания, что отвергающие мир с “латинянами” ошибаются. Как полагал историк, вместо этого патриарху следовало скорее молчать и кротко переносить порицания¹³.

А.В. Бармин

Life and Works of Saint Gregentios, Archbishop of Taphar. Introduction, Critical Edition and Translation / Ed. Albrecht Berger. With a Contribution by Gianfranco Fiaccadori (Millennium Studies. Vol. 7). Berlin; New York: “Walter de Gruyter”, 2006. 915 p.

“Досье св. Григентия” пользовалось большой популярностью у византийцев. В рецензируемом издании для конституции текста привлечены 34 рукописи, созданные до XVII в. и еще 20 более поздних оставлены “за бортом”. Гигантский по объему текст был переведен на славянский (эта линия оставлена Бергером без всякого внимания, поскольку перевод был выполнен с позднего извода памятника) и новогреческий (это еще 10 рукописей). Но вот исследовательская судьба памятника сложилась несчастливо: с одной стороны, первая публикация одной из частей “Досье” относится уже к 1586 г., но с другой – критическое издание самого основного текста, собственно Жития Григентия, дождалась своего часа слишком долго: еще А.А. Васильев в 1909 г. напечатал небольшие отрывки, показавшиеся ему исторически важными. Впоследствии к памятнику подступались многие ученые, но всех отпугивал гигантский объем и пышная стемма. Между тем, хотя критического издания и не существовало, сам текст многократно привлекался в дискуссиях на самые разнообразнейшие темы, затрагивавшие главным образом не само житие, а два других памятника, составляющих “Досье”: “Диалог с иудеем” и “Законы химьяритов”. Первый служил аргументом в полемике вокруг “еврейского вопроса” в Византии, второй – когда дебатировалась византийская юриспруденция, история Южной Аравии, возникновение ислама, внешняя политика Византии и ее миссионерство.

Между тем все эти вопросы невозможно даже корректно сформулировать, не ответив на главный: когда и где создан текст? А вот здесь как раз ясности и не было. Единственное известное историческое событие, к которому он накрепко привязан, – это война Эфиопии против Химьяритского царства (совр. Йемен) случившаяся в правление и при поддержке Юстина I, т.е. в начале VI в. Однако первые же строки жития, сообщающие, что святой родился в “Липляне”, которую вскоре разорили “авары”, указывают, как минимум, на конец VI в. Кстати говоря, топоним «Любляна» в житии является самой ранней его фиксацией вообще (с. 15). Более вдумчивое исследование памятника отодвигало его датировку ко все более позднему периоду по состоянию историографии 2003 г. зафиксировало ее на середине IX в. Эвелин Патлажан (не опубликовавшая свою диссертацию на данные темы) предложила эту дату и к

¹⁰ Ibid. 5, 18,20 (*Georges Pachymérés*. P. 495–497, 505).

¹¹ Ibid. 5, 18 (*Georges Pachymérés*. P. 495).

¹² Ibid. 5, 28; 6, 23 (*Georges Pachymérés*. P. 531, 603).

¹³ Ibid. 6, 23 (*Georges Pachymérés*. P. 605–607).